

УДК 343.71

К ВОПРОСУ СИСТЕМАТИКИ НАСИЛЬСТВЕННОГО ПОХИЩЕНИЯ ЧУЖОГО ИМУЩЕСТВА В УГОЛОВНОМ КОДЕКСЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И УГОЛОВНОМ КОДЕКСЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

С. А. ЕЛИСЕЕВ¹⁾

¹⁾Национальный исследовательский Томский государственный университет, пр. Ленина, 36, 634050, г. Томск, Россия

Грабёж, соединённый с насилием, не опасным для жизни или здоровья потерпевшего, либо с угрозой применения такого насилия, разбой издавна известны российским и белорусским уголовным законам. Изучение соотношения составов этих преступлений позволяет утверждать, что рациональных оснований для дифференциации в уголовных кодексах Российской Федерации и Республики Беларусь насильственного похищения чужого имущества на грабёж с насилием и разбой нет. Выделение грабёжа с насилием в качестве формы хищения объясняется только исторической традицией. Грабёж с насилием имеет с разбоем больше общих черт, чем отличий. Оба этих преступления причиняют вред не только отношениям собственности, но и дополнительному объекту – личности. Завладение чужим имуществом посредством физического или психического насилия говорит и об одинаковой в целом степени общественной опасности лиц, избравших такой способ совершения преступления против собственности. Это, собственно, признал и сам законодатель, установивший за совершение грабёжа с насилием, разбой близкие наказания в виде лишения свободы. «Родственность» насильственного грабёжа с разбоем усматривали и усматривают российские криминологи. С учётом этих обстоятельств предлагается объединить в уголовных кодексах Российской Федерации и Республики Беларусь насильственный грабёж и разбой в один состав – «разбой» (возможно и наименование «грабёж»).

Ключевые слова: уложение; кодекс; грабёж с применением насилия; разбой; похищение.

ON THE PROBLEM OF SYSTEMATICS OF FORCIBLE THEFT OF PROPERTY IN THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION AND THE REPUBLIC OF BELARUS

S. A. ELISEEV^a

^aNational Research Tomsk State University, 36 Lenina Avenue, Tomsk 634050, Russia

Plunder with of violence, not dangerous to the life or health of the victim, or the threat of such violence, robbery has long been known to Russian and Belarusian criminal laws. The study of the ratio of the compositions of these crimes suggests that there are no rational grounds for differentiation in the Criminal Codes of the Russian Federation and the Republic of Belarus of the forced theft of someone else's property for plunder with of violence and robbery. The identification of plunder with of violence as a form of theft can only be explained by historical tradition. Plunder with of violence has more in common with robbery than it will distinguish from it. Robbery with violence, as well as robbery, harms not only property relations, but also an additional object – the person. Taking possession of other people's property by means of physical or mental violence speaks about the same degree of public danger of persons who have chosen such a method of committing a crime against property. This, in fact, was recognized by the legislator himself, who established for committing robbery with violence, plunder close in size to the penalty of imprisonment. «Kinship» of violent robbery with robbery was seen and seen by Russian criminologists. In view of these circumstances, it is proposed to combine in the criminal codes of the Russian Federation and the Republic of Belarus violent plunder and robbery in one composition – «robbery» (perhaps such a name – «plunder»).

Keywords: code; law code; plunder; robbery; theft.

Образец цитирования:

Елисеев С.А. К вопросу систематики насильственного похищения чужого имущества в Уголовном кодексе Российской Федерации и Уголовном кодексе Республики Беларусь. *Журнал Белорусского государственного университета. Право.* 2019;2:12–16.

For citation:

Eliseev SA. On the problem of systematics of forcible theft of property in the Criminal Code of the Russian Federation and the Republic of Belarus. *Journal of the Belarusian State University. Law.* 2019;2:12–16. Russian.

Автор:

Сергей Александрович Елисеев – доктор юридических наук, профессор; заведующий кафедрой уголовного права Юридического института.

Author:

Sergey A. Eliseev, doctor of science (law), full professor; head of the department of criminal law, Institute of Law. ugolovnoetgu@mail.ru

Уголовно-правовым запретам, предусматривающим ответственность за преступления против собственности, посвящена гл. 24 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК РБ). В ней названы такие насильственные преступления, как грабеж, соединенный с насилием, не опасным для жизни или здоровья потерпевшего, либо с угрозой применения такого насилия (ч. 2 ст. 206), разбой – применение насилия, опасного для жизни или здоровья потерпевшего, либо угроза применения такого насилия в целях непосредственного завладения имуществом (ст. 207). Эти преступления разделяли и уголовные кодексы БССР. Так, Уголовный кодекс БССР 1928 г. предусматривал ответственность за открытое завладение чужим имуществом в присутствии лица, владеющего, пользующегося или ведающего им, соединенное с насилием (п. 6 ст. 245), и разбой – открытое в целях завладения чужим имуществом нападение, соединенное с насилием, угрожающим жизни или здоровью потерпевшего (ст. 247). Уголовный кодекс БССР 1960 г. (в редакции от 1 марта 1994 г.) выделял такой вид грабежа, как грабеж, соединенный с насилием, не опасным для жизни или здоровья потерпевшего лица, либо с угрозой применения такого насилия (ч. 2 ст. 88). К разбою этот кодекс относил нападение с целью завладеть имуществом, соединенное с насилием, опасным для жизни или здоровья лица, подвергнутого нападению, или с угрозой применения такого насилия (ст. 89). Грабеж с насилием и разбой как имущественные преступления издавна известны и российскому уголовному закону. Эти преступления разделяли Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. (ст. 1627, 1637), Уголовный кодекс РСФСР 1922, 1926, 1960 г.; разделяет эти преступления и Уголовный кодекс Российской Федерации 1996 г. (далее – УК РФ). Определения грабежа с насилием и разбоя в уголовных кодексах РСФСР, по сути, были такими же, как и в аналогичных документах БССР. В сущности, одинаковые определения грабежа с насилием, разбоя даны в действующих УК РБ и УК РФ.

Надо сказать, что не все российские юристы находили целесообразным разделять в уголовном законе насильственное завладение чужим имуществом на грабеж с насилием и разбой. Так, Н. А. Неклюдов, указывая на «богатство форм насильственных похищений», различаемых Уложением о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г., полагал, что «это богатство – просроченные векселя на несостоятельного. Каждая из этих форм залезает полными руками в закрома другой, эта другая стачит у ней обратно целые пригоршни и не замечая того, что это одно и то же зерно, кладет его в особое отделение амбара». Наука и жизнь, утверждал Н. А. Неклюдов, знают только два насильственных средства: физическую силу и угрозу преступными

действиями; угроза может относиться или к настоящему или к будущему времени. Поэтому возможны лишь два вида насильственных похищений: 1) разбой или грабеж – отнятие чужого имущества силою или угрозой настоящего насилия; 2) вымогательство страхом не настоящего, а будущего зла или насилия. Грабеж без насилия, полагал Н. А. Неклюдов, есть не что иное, как кража, а потому он должен быть «выброшен» из группы насильственных похищений чужого имущества [1, с. 722–723].

То, что грабеж с насилием и разбой «вполне родственны между собой, предмет преступного действия один и тот же; по способу действия разбой и грабеж в насилии и угрозах имеют общий признак, резко отличающий насильственное похищение от тайного или обманного; в обоих преступлениях направление злой воли выражается в корыстном намерении...» [2, с. 197–198], считал Д. Тальберг.

Не видели принципиальных отличий между грабежом с насилием и разбоем также составители проекта Уголовного уложения 1903 г. Похищение имущества в окончательном проекте они разделили на три вида: воровство, разбой и мошенничество. Состав грабежа был упразднен: открытое ненасильственное завладение имуществом охватывалось понятием воровства; открытое с физическим и психическим насилием похищение имущества было отнесено к разбою. Такое решение вызвало возражения у ряда юристов того времени. При обсуждении проекта в общем собрании Государственного совета Российской империи один из его членов предложил восстановить состав насильственного грабежа. Он утверждал, что «при сложившемся в сознании русского народа понятии о разбое как неминуемо сопровождающемся такими тяжкими разбойническими насильственными действиями, которые безусловно угрожают опасностью для жизни и здоровья, – под действие статьи нельзя будет подвести те... случаи открытых похищений, известных в народе под именем грабежей, соединенных с тяжким оскорблением личности потерпевшего, грубым физическим сопркосновением с ним и постановкой его в положение опасности в случае проявления признаков защиты». Однако большинство членов Государственного совета посчитали, что нет оснований опасаться, что народное понимание слова «разбой» сузит применение на практике карательного правила о нем и будет допускать подведение под понятие разбоя лишь случаев, когда безусловно грозила опасность жизни или здоровью жертве преступления. Не надо забывать, отметили они, что подведение конкретного деяния под тот или иной состав преступления будет лежать на обязанности коронного суда, который «будет руководствоваться не народным пониманием слова разбой, а тем опре-

делением этого преступления, которое ему дает закон» [3, с. 853].

В итоге в Уголовном уложении, утвержденном 22 марта 1903 г., разбой был определен как похищение чужого движимого имущества, «с целью присвоения посредством приведения в бессознательное состояние, телесного повреждения, насилия над личностью или наказуемой угрозы» (ч. 1 ст. 589). К квалифицированному был отнесен разбой, учиненный «посредством весьма тяжкого или тяжкого телесного повреждения (п. 1 ч. 1 ст. 589). Такое законодательное решение разделяли В. В. Есипов и др. [4, с. 137].

Авторы работ, опубликованных в РСФСР в первые годы ее существования, все случаи похищения чужого имущества делили, как и составители Уложения 1903 г., на две группы: ненасильственное похищение (как тайное, так и открытое) и насильственное похищение [5, с. 68–69].

В середине 1940-х гг. не увидел существенных отличий грабежа с насилием от разбоя и советский законодатель. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об усилении охраны личной собственности граждан» (далее – Указ от 1947 г.) объединил грабеж с насилием и разбой в одно преступление – разбой. В документе различались два вида разбоя: 1) нападение с целью завладеть чужим имуществом, соединенное с насилием или угрозой применения насилия; 2) нападение, соединенное с насилием, опасным для жизни и здоровья потерпевшего, или с угрозой смертью или тяжким телесным повреждением [6, с. 66–67]. Отношение к такой конструкции разбоя у советских юристов в то время было неодинаковым. Одни считали, что она стала более совершенной как по форме, так и по содержанию. Так, М. А. Гельфер отмечал, что на практике часто возникали затруднения при разграничении кражи и грабежа, грабежа и разбоя. Стоило лишь отказаться в Указе от 1947 г. от понятия «грабеж» и изменить в связи с этим конструкции составов кражи и разбоя, как исчезли все трудности [7, с. 47]. Другие, напротив, полагали, что едва ли можно признать правильной отмену такого понятия, как грабеж. В частности, Л. Смирнов утверждал, что в результате, «говоря об ограблении и понимая под ним открытое похищение чужого имущества, соединенное с насилием, мы, исходя из терминологии, принятой в Указе от 4 июня 1947 года, вынуждены называть грабеж разбойным нападением. Между тем, каждому ясно, что эти понятия не равнозначны» [8, с. 7].

Как видим, дифференциация насильственного похищения имущества на грабеж с насилием и разбой имеет достаточно богатое прошлое в науке уголовного права. Свою историю она имеет и в уголовных законах. Действующие уголовные кодексы России и Беларуси, разделяя составы грабежа с насилием и разбоя, восприняли как оптималь-

ные конструкции, разработанные законодателем в первой половине XIX в. Такую преемственность в построении уголовно-правовых запретов, казалось бы, можно только приветствовать. УК РФ и УК РБ называют давно известные уголовному праву формы противоправного посягательства на собственность, обозначают уголовно-правовые понятия устоявшимися терминами. Но можно ли признать существующее законодательное решение безупречным и рациональным? Представляется, что весомых оснований для дифференциации в уголовном кодексе насильственного похищения чужого имущества на грабеж с насилием и разбой нет. Выделение грабежа с насилием в качестве формы хищения можно объяснить исключительно исторической традицией. Грабеж и разбой разделяли законодательные акты XVI–XVIII вв., в частности статуты Великого княжества Литовского 1529, 1566, 1588 г., Соборное уложение 1649 г., Артикул воинский 1715 г. Ответственность за эти преступления предусматривал Свод законов уголовных 1832 г. «Образ» грабежа как насильственного преступления из свода законов перешел в Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. Свое решение составители Уложения объяснили необходимостью «принимать в уважение» законодательный опыт прошлого [9, с. 693]. По сути, таким же доводом аргументировали неприятие законодательных новшеств критики проекта Уголовного уложения 1903 г., Указа от 1947 г. Так, юридический факультет Императорского университета Святого Владимира в замечаниях на раздел «Посягательства имущественные» проекта Уложения 1903 г. отмечал, что построение уголовного закона на абстрактных началах, упускающее из вида господствующее в обществе воззрение на право, противоречит как народному воззрению, так равно и общепринятым юридическим понятиям, распространенным в образованных слоях русского общества, забывает юридический язык народа [10]. Разумеется, без прошлого законодательного опыта нет настоящего. Но очевидно, что настоящее в праве должно быть действительно настоящим. Преемственность в праве предполагает не просто сохранение старого в новом, а такое его сохранение, при котором старое получает развитие в новом качественном состоянии. Наряду с развитием старого в новом преемственность предполагает и отрицание правовых конструкций, препятствующих развитию права, совершенствованию правоприменения [11, с. 18–19]. Сохранение правового опыта прошлого в новых законоположениях не означает, что не должна меняться форма изложения тех или иных правовых предписаний, а компоновка нормативного материала оставаться застывшей.

На эти обстоятельства российский и белорусский законодатели не обратили, к сожалению,

должного внимания. Дифференцируя в уголовных кодексах насильственное завладение чужим имуществом на грабёж с насилием и разбой, они упустили из виду, что грабёж с насилием имеет больше общих черт с разбоем, чем отличий от него. Грабёж с насилием, как и разбой, предполагает совершение действий, направленных на подавление воли, противодействия потерпевшего, причиняет вред не только отношениям собственности, но и дополнительному объекту – личности (в частности, таким ее благам, как физическая, психологическая неприкосновенность). Завладение чужим имуществом посредством физического или психического насилия говорит и об одинаковой в целом степени общественной опасности лиц, избравших такой способ совершения преступления против собственности. Это, собственно, признал и сам законодатель, устанавливая наказание за грабёж с насилием и разбой. Так, УК РФ за совершение грабежа с насилием предусматривает наказание в виде лишения свободы на срок до семи лет (ч. 2 ст. 161), за разбой – лишение свободы на срок до восьми лет (ч. 1 ст. 162). По УК РФ грабёж, соединенный с насилием, наказывается лишением свободы на срок от двух до шести лет (ч. 2 ст. 206), разбой – лишением свободы от трех до десяти лет (ч. 1 ст. 207).

Уместно отметить, что «родственность» насильственного грабежа с разбоем издавна усматривала российская уголовная статистика, посвящая этим преступлениям одну рубрику (разбой и грабёж, разбой и грабёж с насилием, насильственное похищение имущества) [12, с. 117, 120]. Советские криминологи объединяли грабёж с насилием и разбой в одну подгруппу криминологической классификации корыстных и корыстно-насильственных пре-

ступлений. Как однородные преступления рассматривают грабёж с насилием и разбой российские криминологи [13, с. 467].

Следует напомнить и слова, высказанные в свое время членами редакционного комитета уголовного отделения Санкт-Петербургского юридического общества. В замечаниях на проект Особенной части Уголовного уложения они писали, что система кодекса, в отличие от системы научной, стремится к практическим и весьма элементарным целям – удобству приискания статей, избежанию повторений, удобству систематического толкования. Для этого определения об однородных преступных деяниях надо соединять воедино, в одно место, в одну группу, такие группы могут состоять и из одной статьи [14, с. 200].

Сказанное, несомненно, убеждает в целесообразности, криминологической обоснованности объединения грабежа с насилием и разбоя в один состав насильственного похищения чужого имущества – «разбой» (возможно и наименование «грабёж»). В определении этого преступления необходимо отобразить его имущественный характер, по логической форме оно должно стать явным и реальным, по содержанию – достаточно полным и конкретным. К основному составу насильственного похищения следует отнести завладение чужим имуществом посредством насилия или с угрозой его применения, к квалифицированному виду – завладение с причинением тяжкого, средней тяжести вреда здоровью потерпевшего. Такая конструкция состава насильственного похищения чужого имущества создаст условия как для эффективного действия уголовно-правовой нормы, так и для соблюдения законности при ее применении.

Библиографические ссылки

1. Неклюдов НА. *Руководство к Особенной части Русского уголовного права. Том 2. Преступления и проступки против собственности*. Санкт-Петербург: Типография П. П. Меркульева; 1876. 749 с.
2. Тальберг Д. *Насильственное похищение имущества по русскому праву (разбой и грабёж). Историко-догматическое исследование*. Санкт-Петербург: Типография В. С. Балашева; 1880.
3. *Уголовное Уложение 22 марта 1903 г.* Санкт-Петербург: Издание Н. С. Таганцева; 1904. 1122 с.
4. Есипов ВВ. *Уголовное уложение 1903 г., его характер и содержание*. Варшава: Типография Варшавской учебной округа; 1903. 177 с.
5. Жижиленко АА. *Преступления против имущества и исключительных прав*. Ленинград: Рабочий суд; 1928. 208 с.
6. *Уголовный кодекс РСФСР*. Москва: Госюриздат; 1953. 131 с.
7. Гельфер МА. Ответственность за преступления против личной собственности. *Социалистическая законность*. 1958;9:47–50.
8. Смирнов Л. К основам уголовного законодательства СССР. *Социалистическая законность*. 1957;6:6–13.
9. *Проект Уложения о наказаниях уголовных и исправительных, внесенный в 1844 году в Государственный совет, с подробным означением оснований каждого из внесенных в сей проект постановлений*. Санкт-Петербург: Типография Второго отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии; 1871. 862 с.
10. *Замечания на проект уголовного Уложения (имущественные посяательства): мнение юридического факультета Университета Святого Владимира*. Киев: Типография товарищества И. Н. Кушнерев и Ко; 1887. 52 с.
11. Рыбаков ВА. *Преемственность в отечественном праве в переходный период: общетеоретические вопросы* [автореферат диссертации]. Омск: Омский государственный университет; 2009. 37 с.
12. Тарновский ЕН, составитель. *Итоги русской уголовной статистики за 20 лет (1874–1894 гг.)*. Санкт-Петербург: Статистическое отделение Министерства юстиции; 1899. 407 с.
13. Долгова АИ, редактор. *Криминология*. Москва: Норма; 1997. 784 с.
14. *Замечания редакционного комитета Уголовного отделения Санкт-Петербургского юридического общества на проект Особенной части Уголовного уложения. Посяательства имущественные*. Санкт-Петербург: [б. и.]; 1889. 205 с.

References

1. Neklyudov NA. *Rukovodstvo k Osobnoi chasti Russkogo ugolovnogo prava. Tom 2. Prestupleniya i prostupki protivu sobstvennosti* [Guide to the Special part of Russian criminal law. Volume 2. Crimes and misdemeanors against property]. Saint Petersburg: Tipografiya P. P. Merkul'eva; 1876. 749 p. Russian.
2. Talberg D. *Nasil'stvennoe pokhishchenie imushchestva po russkomu pravu (razboi i grabezh). Istoriko-dogmaticheskoe issledovanie* [Forced theft of property under Russian law (robbery and plunder)]. Saint Petersburg: Tipografiya V. S. Balasheva; 1880. 200 p. Russian.
3. *Ugolovnoe Ulozhenie 22 marta 1903 g.* [Criminal Code on 22 March 1903]. Saint Petersburg: Izdanie N. S. Tagantseva; 1904. 1122 p. Russian.
4. Esipov VV. *Ugolovnoe ulozhenie 1903 g., ego kharakter i sodержanie* [Criminal Code of 1903, its nature and content]. Warsaw: Tipografiya Varshavskoi uchebnoi okrugi; 1903. 177 p. Russian.
5. Zhizhilenko AA. *Prestupleniya protiv imushchestva i isklyuchitel'nykh prav* [Crimes against property and exclusive rights]. Leningrad: Rabochii sud; 1928. 208 p. Russian.
6. *Ugolovnyi kodeks RSFSR* [The Criminal Code of the RSFSR]. Moscow: Gosyurizdat; 1953. 131 p. Russian.
7. Gel'fer MA. [Responsibility for crimes against personal property]. *Sotsialisticheskaya zakonnost'*. 1958;9:47–50. Russian.
8. Smirnov L. [To the basics of criminal legislation of the USSR]. *Sotsialisticheskaya zakonnost'*. 1957;6:6–13. Russian.
9. *Proekt Ulozheniya o nakazaniyakh ugolovnykh i ispravitel'nykh, vnesennyi v 1844 godu v Gosudarstvennyi sovet, s podrobnym oznacheniem osnovanii kazhdogo iz vnesennykh v sei proekt postanovlenii* [The Draft law on criminal and correctional penalties, introduced in 1844 in the State Council, with a detailed meaning of the grounds for each of the draft resolutions]. Saint Petersburg: Tipografiya Vtorogo otdeleniya Sobstvennoi Ego Imperatorskogo Velichestva kantselyarii; 1871. 862 p. Russian.
10. *Zamechaniya na proekt ugolovnogo Ulozheniya (imushchestvennye posyagatel'stva): mnenie yuridicheskogo fakul'teta Universiteta Svyatogo Vladimira* [Comments on the draft of the Criminal Code (property encroachment): the opinion of the faculty of law of the University of Saint Vladimir]. Kyiv: Tipografiya I. N. Kushnerev i Ko; 1887. 52 p. Russian.
11. Rybakov VA. *Preemstvennost' v otechestvennom prave v perekhodnyi period: obshcheteoreticheskie voprosy* [Continuity in the domestic law in the transition period: general theoretical issues] [dissertation abstract]. Omsk: Omsk State University; 2009. 37 p. Russian.
12. Tarnovskii EN, compiler. *Results of Russian criminal statistics for 20 years (1874–1894 biennium)*. Saint Petersburg: Statisticheskoe otdelenie Ministerstva yustitsii; 1899. 407 p. Russian.
13. Dolgova AI, editor. *Kriminologiya* [Criminology]. Moscow: Norma; 1997. 784 p. Russian.
14. *Zamechaniya redaktsionnogo komiteta Ugolovnogo otdeleniya Sankt-Peterburgskogo yuridicheskogo obshchestva na proekt Osobnoi chasti Ugolovnogo ulozheniya* [Comments of the Editorial Committee of the Criminal Department of the Saint Petersburg Law Society on the Draft of the Special part of the Criminal Code. Encroachment of property]. Saint Petersburg: [s. n.]; 1889. 205 p. Russian.

Статья поступила в редколлегию 14.05.2019.
Received by editorial board 14.05.2019.